

Заграница без вранья

Оксана Чернявская

**Что такое Аргентина,
или Логика абсурда**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 911
ББК 26.89

Чернявская О.

Что такое Аргентина, или Логика абсурда / О. Чернявская —
«РИПОЛ Классик», 2019 — (Заграница без вранья)

ISBN 978-5-386-12369-7

Аргентина – удивительная и парадоксальная страна, воплотившая в себе «дух Латинской Америки» в полном ее объеме. Однако какова эта страна сегодня? Действительно ли это все еще родина бесконечной лени, «жгучих мачо» и футболистов? Или Аргентина в XXI веке преобразилась, став чем-то новым? Автор этой книги исколесила Аргентину вдоль и поперек, рассмотрела все уголки и изучила каждый аспект этой страны так, что теперь каждый сможет узнать, что же такое Аргентина.

УДК 911
ББК 26.89

ISBN 978-5-386-12369-7

© Чернявская О., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Глава 1. О себе	6
Глава 2. Как все началось	7
Глава 3. День первый	9
Глава 4. Ло Де Селия	12
Глава 5. Наоборот	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оксана Чернявская
Что такое Аргентина, или Логика абсурда

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

Глава 1. О себе

Представляюсь: я – профессиональная иностранка. В моем резюме это пропечатано заглавными буквами в титульной шапке. *ИНОСТРАНКА*. Лицо без национальной и гражданской идентификации. Что отнюдь не означает отсутствие гражданской позиции. Позиция – есть, а национальная идентичность отсутствует. Говорю и думаю на различных языках – и на всех с акцентом. Акцент не только и не столько фонетический, сколько концептуальный. Так сказать, отображение мира, в котором на сегодняшний день проживаю через призму других миров, в коих довелось проживать раньше. Не сравнивая их и не отдавая предпочтение никакому. Еще есть внутренний мир, который ношу с собой, как черепаха панцирь, и туда складываю все, что попало на пути. Поэтому он настолько чудовищно загроможден хламом впечатлений, ощущений и восприятий, подобранных в разных культурах, эпохах и социальных режимах, что практически не представляется возможным навести там порядок. Так что с этим приходится жить, и этот беспорядок – можно называть его творческим, а можно, по-простому, свалкой или бардаком – иногда раздражает и приводит к нервному срыву, а иногда забавляет и доказывает всю тщетность общепринятой логики. (В Аргентине, кстати, я нашла еще больший бардак во всем: политике, экономике и человеческих отношениях, и впервые за много лет почувствовала себя дома, когда там впервые оказалась.)

Живя в США и раз в год навещаясь в родную Москву, я сильно мучилась от настоящего раздвоения личности и в целом потери идентификации. Кто я? Американка? По паспорту – да, по фамилии – тоже. Круг знакомых – американский, научилась и привыкла сначала резать мясо, а потом переключать вилку в правую руку и есть без ножа. Или все же русская? Каблуки так и не перестала носить вопреки пророчеству давно эмигрировавшего друга, который мне это святотатство предрекал. Отпускало меня только в самолете, в нейтральном воздушном пространстве. Однако сразу после посадки, меня начинало мучить огромное количество практических деталей. И так я запуталась в своей национальности и культурной принадлежности – на обоих языках говорю одинаково с восьми лет, книжки читаю строго по очереди: одну на русском, одну на английском, – что пришла мне в голову идея попробовать третью культуру... ну как платье примерить: покрутиться у зеркала и решить, идет мне или нет.

Выбор пал на Аргентину. Уж менять культуру, так менять, нечего разминиваться на полумеры типа Канады или какой-нибудь Словении. Слетав в первый раз в Буэнос-Айрес, я поняла, что выбор был сделан правильный. Ничего более не похожего на привычную и знакомую мне жизнь я представить не могла. Чувство дуальности сменило триполярное состояние, когда все три культуры: русская, американская и латинская – в частности, аргентинская – прочно укрепились во мне, договорившись мирно, кому в какие моменты давать выплескиваться, возмущаться или радоваться. Появились три головы, которые я хранила в шкафу, как три парика на подставках, и, собирая в очередной раз чемодан, я аккуратно меняла голову на ту, в чьи края собиралась в путешествие. Сильного успокоения это не принесло в экзистенциальном вопросе: кто я? Но задавать его я стала все реже и реже. Так и живу, как трехглавый Змей Горыныч. Привыкла. Одна голова – хорошо, а три – не хуже.

Глава 2. Как все началось

Буэнос-Айрес для меня начался в аэропорту, когда вместо привычного американского, произносимого в нос «м'эм» симпатичный брюнет на паспортном контроле чувственно произнес: «Сеньорита...» – и, заглянув мне в глаза, мгновенно проник куда-то вовнутрь, как и сам город. Говорят, если при первой встрече с человеком, с городом никакой алхимии не произошло (не возникло симпатии, страсти, любви или ненависти), вряд ли возможны эти эмоции в дальнейшем. В столичном аэропорту Эзейза, примечательном лишь своим отставанием в технологии, со мной – произошло, и потом на протяжении двенадцати лет я переживала все эти фазы эмоций, причем именно в такой последовательности.

Молодой представитель иммиграционного департамента произвел на меня самое наилучшее впечатление, назвав «сеньоритой», а потом стал задавать обычные для любого паспортного контроля вопросы, как то: где я собираюсь остановиться, мой адрес в Буэнос-Айресе, надолго ли я приехала и с какой целью. Подобные вопросы этот парень задает сотни раз в день, всю свою рабочую неделю, но они у него звучали так, что казалось, будто он собирается попросить номер моего телефона или пригласить на чашечку кофе. При этом он смотрел на меня с интересом, а совсем не отчужденно, строго или со скукой, как это обычно делают чиновники подобных служб во всех других аэропортах, где мне доводилось бывать раньше.

С отметкой в паспорте и ласковым напутствием «бьенвенида¹, сеньорита» от жгучего брюнета я проследовала на таможенный досмотр, где другой красавчик, даже не посмотрев на мою декларацию, улыбнулся мне так интимно, показав при этом ослепительно-белые зубы под черными усами, – что я невольно улыбнулась ему в ответ и ощутила себя «сеньоритой» в полной мере, несмотря на зимнюю бледность после трех месяцев орегонских дождей, дорожные джинсы, кеды и футболку, никак не подходившие к образу креольской Ассоль в летящем платье, с длинными темными волосами и оливковой кожей – такой я представляла себе “настоящую” сеньориту по текстам и ритмам песен Леонида Агутина, Мне до нее было далеко.

Поездка в удобном «мерседесовском» автобусе по залитому солнцем городу. Пальмы. Современные здания типа нью-йоркских небоскребов вперемежку с полутрущобным панельным жильем, где на балконах в бесстыжем эксгибиционизме трепещет на ветру разноцветное белье. Настоящие трущобы я увижу потом, на этой трассе их нет или пока еще нет, – лишь эти вот умильные застройки, напоминающие хрущевки, а на их фоне, вдалеке, серые стальные башни Пуэрто-Мадеро, нового бизнес-центра Буэнос-Айреса, выстроенного на инвестициях транснациональных мегакорпораций и банков. Предчувствие чего-то нового. Как же хорошо жить, когда не имеешь ни малейшего представления, что случится всего лишь через час!

А через час меня уже отчитывал Карлос, который организовал эту поездку для своего мини-гарема – пяти учениц танго из Портленда, каждая из которых была уверена в эксклюзивности своих отношениях с маэстро, выходящих далеко за рамки «учитель – студентка». Провинность моя заключалась в том, что я не поменяла деньги, то есть не сделала так, как велел Учитель.

– Ну я же тебе сказал... и даже написал... два раза! – хриплым голосом занудствовал Карлос. Здесь, где все говорили на родном для него, костариканца, испанском, его акцент в английском стал еще более ощутим, до такой степени, что более длинные слова вообще переставали быть доступными для понимания. – Ну нельзя быть такой невнимательной! – «Невнимательной» я поняла скорее по контексту из-за неправильно поставленного им ударения.

¹ Добро пожаловать (*исп.*).

– Ни один опытный путешественник не меняет деньги в аэропорту. Это всем известно. А я не вчера получила паспорт! Ничего, не беспокойся – у тебя не попрошу. Найду какую-нибудь гостиницу, там и поменяю, – парировала я, «опытная» путешественница, которая в первый раз после развода выехала из страны сама и привыкла раньше во всем полагаться на мужа.

Наступали выходные, и, по словам Карлоса, обменять доллары в городе было уже невозможно. Было обидно, что вместо ласки, которую я, конечно, ожидала после пылких электронных посланий со словами «скучаю», «жду» и всеми прочими, полагающимися в этих случаях, меня, уставшую и наполовину оглохшую после длинного перелета, в чем-то начинают упрекать. Похоже, не так-то сильно меня тут и ждали, не говоря уже о том, чтобы «скучать».

Роза и Анна-Мария, две знакомые по Портленду женщины, с которыми я ходила на уроки танго, слушали нашу перебранку из-за неразменных мною долларов почти испуганно, не принимая ничью сторону. Клэр, пожилая дама с сильной тангозависимостью, невзирая на пенсионный возраст, смотрела на меня сочувственно, но не решалась заступиться перед зарвавшимся маэстро.

Карлос больше походил на армейского сержанта, чем на султана: он командовал отрывистым грубым голосом с хрипотцой горца и сильным акцентом испано-говорящего иммигранта. Впрочем, про акцент я уже говорила выше. Он прожил в США почти 20 лет, выучил английский, уже приехав в страну, освоил бухгалтерское дело и нашел работу по специальности в небольшой строительной компании. Для своей старенькой малограмотной мамы он олицетворял воплощение американской мечты. Мама жила в Сан-Хосе, куда он время от времени ездил ее навещать, привозя и представляя своих «невест» – пышногрудых американских блондинок, с которыми по разным причинам его дорога к матримониальным отношениям заканчивалась раньше, чем мама начинала правильно произносить их имена и фамилии, рассказывая о будущей невестке соседкам. И хоть я не совсем американка и уж точно не пышногрудая, у меня с ним тоже сложились нематримониальные отношения. Правда, до Сан-Хосе я так и не доехала, но активно восполняла свою неуклюжесть на танцполе сноровкой в спальне.

Сдерживая нахлынувшие слезы, чтобы не разрыдаться тут же перед всеми, я как можно более спокойно, как мне показалось, сказала «Fuck YOU!», к ужасу и изумлению участниц этой сцены, и получила идентичное послание от Карлоса в ответ.

– Я... – В этот драматический момент я обвела всех глазами и выдержала театральную паузу. – Я прекрасно обойдусь как без тебя, так и без аргентинских песо в эти выходные. Вот увидишь! – И захлопнула за собой дверь выделенной мне комнаты.

Посидела на кровати; думала, Карлос сейчас придет извиняться. Но нет, никто мне в дверь не постучал.

Залезла в огромную ванну на львиных лапах и, глотая слезы пополам с ручьями новой по вкусу воды, приняла успокоительный душ. Стало немного легче. После душа, не разобрав вещи, не отдохнув, наскоро переделалась в летнее, вышла из комнаты, молча прошла по коридору и от души громынула входной дверью, подчеркнув этим звучным аккордом свою полную независимость от Карлоса и всей этой послушной ему портлендской бригады учениц-поклонниц-любовниц. В самом деле, зачем они мне здесь? Я же приехала покорять Буэнос-Айрес, а не кучковаться со своими. А Карлос... ну конечно, он пожалеет.

С этими вдохновляющими мыслями я ступила на раскаленную улицу незнакомого города без малейшего понятия, куда пойду. А также без какой-либо карты и без знания местного языка. Ну да... я ведь ехала к Карлосу, полагаясь во всем на него.

Глава 3. День первый

Боже, как же здорово шагать по этому странному, незнакомому городу и каждым шагом выдавливать из него еще больше солнечных брызг, которые рассыпаются повсюду, отсвечивая в улыбках красивых людей и витринах магазинов. Синее небо, не замутненное ни облачком, приятно гармонирует с верхушками куполов соборов, желтым диском солнца и моими только что купленными сандалиями. В этом сезоне в Буэнос-Айресе в моде синий цвет: витрины с синими сумками, обувь и летней одеждой заывают распродажами и ценами до неприличия низкими – не купить невозможно. Трудно поверить, бредя по раскаленным 30-градусной жарой улицам, что лето заканчивается, и всю эту замечательную кожаную синь надо распродать – а по мне, так просто раздарить – до наступления зимы. И хотя мне объяснили, что жара стоит необычная для марта, когда здесь начинается осень, поверить во все это сложно. Поэтому я верила только своим ощущениям: жарко, радостно и красиво. Ощущение полной эйфории от неведомого, ни на что не похожего из прежде увиденного и пережитого. Наплевать, что я никого не знаю в этом городе, что Карлос, к которому я приехала, легкомысленно положившись как на нашу близость, так и на его близкие отношения со столицей Аргентины, куда он на протяжении многих лет привозит группы танго-туристов и знает все и всех, встретил меня рассерженным зудением и был послан с ходу, с перелета, с недосыпа.

Я бродила по Буэнос-Айресу, упиваясь впечатлениями и впитывая в себя запахи новой для меня жизни. Не хотелось думать ни о Карлосе, ни о нашей с ним ссоре, в результате которой я оказалась совсем одна в незнакомом, но таком прекрасном городе. Я гнала мысль и о том, что через две недели придет конец этой расчудесной жизни, с ее уникальным букетом ароматов, которые подобно экзотической сигаре превратятся в дым воспоминаний о моих еще не прожитых приключениях, как только я окажусь в самолете, уносящим меня из нее. И потом этот дым будет развеян бризом следующих событий, как неизбежная череда перемен в жизни. Я еще не знала тогда, что эти две недели растянутся так надолго.

Перед входом в метро возникли проблемы практического характера, которые хоть и не уменьшили мою эйфорию от Буэнос-Айреса, но заставили задуматься. Карты у меня нет, испанского языка я не знаю, графика всех мероприятий у меня тоже нет... Мне как-то в голову не пришло спросить у Карлоса и его одалисок, которые не заступились за меня, уставшую после перелета и отчитанную, как двоичницу, за невыполненное задание. Снова кольнула обида, но я ее прогнала и смело нырнула в темноватую пасть подземки, даже отдаленно не напоминая светлые, роскошные дворцы московского метро. Там, внизу, казалось, что Буэнос-Айрес состоит из танго и футбола. Огромные телевизионные экраны без звука транслировали футбольный матч, а по станциям плыла в плохой акустике, среди шума поездов, музыка танго-вальса.

Изучив карту метро, я поняла, что здесь все просто. Линий всего четыре, и запутаться в них невозможно. Смутно припоминая название района, где, как я слышала, находится самая старая в столице традиционная *милонга*², я решительно шагнула в поезд и начала разглядывать пассажиров. Большинство из них напоминали людей из старых фильмов. Женщины были в туфлях и юбках, что редко увидишь в США, разве что в церкви, да и то не всегда. Мужчины – в ботинках. Похоже, аргентинцы все еще верили в то, что кроссовки служат исключительно спортивным занятиям. Итальянские корни, которые, как я знала из прочитанного еще дома путеводителя, имелись у 60 процентов населения, смешанные с испанскими, немецкими, скандинавскими, делали обозрение попутчиков приятным для моих глаз, так уставших от созерцания провинциальных жителей Северной Америки, вскормленных на кукурузе и макдонал-

² *Милонга* – клуб, где собираются танцевать танго; как само место, так и мероприятие.

дсовских гамбургерах. От русских пассажиров аргентинцев отличало полное отсутствие запаха пота, несмотря на жару и отсутствие кондиционера. Я вспомнила «русский дух» московского метро, вдыхая который всегда вспоминала строки Пушкина, отложившиеся со школьных лет как в памяти, так и в обонянии. Латинский культ тела, принятие душа по три раза в день и выливание на себя всех типов парфюмерных средств представителями обоих полов отличают жителей аргентинской столицы не только от русских, но и от европейцев и одолеваемых всевозможными аллергиями американцев. Даже парочка маляров, явно ехавших со стройки, в майках без рукавов и запачканных краской джинсах, благоухали последним парфюмом от Каролины Эрреры, а не привычным перегаром вперемешку с потом.

Я вышла на той же станции, где выходили почти все. Оттуда можно было пешком дойти до центра, где находилось все самое интересное, и, самое главное, – до той самой милонги, о которой я была слышана еще в Портленде. Настоящая мекка танго, судя по отзывам!

Поскольку меня никто не ждал, я медленно брела по улице – как же хорошо никуда не спешить, останавливаться и наблюдать незнакомую жизнь! Вот, непонятно откуда идущий мужчина, одетый как банковский служащий, хотя сегодня суббота, поставил портфель на тротуар, поднял руки в воздух, как бы обнимая воображаемую партнершу, и проделал несколько шагов с поворотом. Он повторил то же самое пару раз: одна рука на сердце, другая в воздухе – легко было дорисовать объятие в танце. Видимо, остался доволен результатом своего поворота – *пивота*, как он называется в танго, – поднял портфель и пошел себе дальше по своим делам.

Казалось, архитектура города и его жители соревнуются в красоте. Утраченная молодость исторических зданий с лихвой возмещалась брызжащей энергией пешеходов. Везде – стройные загорелые тела, глубокие вырезы декольте, упругие задницы, обтянутые белыми брюками, с провокационными тесемками черных стрингов, поднятыми выше брючного пояса. В воздухе, густом от влажности и ощутимых выплесков тестостерона, вспыхивали чувственные искры, как электрические разряды от нечаянных взглядов, улыбки, случайного прикосновения или рукопожатия, – совсем как в танго.

Женщины... Все они кажутся красивыми. И неясно: это так природа распорядилась, или потому что мужчины на них ТАК смотрят. Вот уж точно, как в неразрешимой дилемме про курицу и яйцо: что изначально? Я поняла, что в этом городе мне нравится быть женщиной. Подумалось, что каждый любящий муж должен отправить свою жену хотя бы раз в жизни в Буэнос-Айрес. Был бы роскошный подарок. Возможно, конечно, потом ей не захочется возвращаться, я о таких случаях слышана. Но уж если жена приедет и по-прежнему будет любить своего мужа – он может с гордостью добавить это в свое личное резюме: значит, достоин, значит, заслужил такую любовь!

Мой взгляд, однако, гораздо чаще останавливался на аргентинских мужчинах. В целом они казались значительно привлекательнее женщин Буэнос-Айреса. Местным *портеньям*, как называют себя жительницы столицы, просто сказочно повезло. Повезло еще и потому, что все они, даже не самые симпатичные, становятся краше в этой динамике уличной жизни города: от провожающих их взглядов расправляются плечи, появляется летящая походка, загораются глаза. Сюда еще не добрался феминизм, и здесь четко соблюдаются классические гендерные роли: здесь пропускают женщин любого возраста вперед, им уступают места и смотрят на них так, как на северном континенте уже давно никто не отваживается.

Пока я так увлеклась своими географически-антропологическими фантазиями, стало смеркаться. Ночь наступила мгновенно: вот только что сияло солнце, и, дав ему очень быстро закатиться, город уже уютно окутала южная ночь. Буэнос-Айрес стал выглядеть совсем по-другому, и тут мне стало понятно, что я заблудилась.

Скусающий полицейский на оживленном перекрестке равнодушно смотрел на толпы пешеходов, идущих на красный свет. Он оживился, когда я попыталась у него выяснить, как пройти на улицу Майпу. Испанский у меня был на уровне Тарзана, но я подкрепляла его

жестикуляцией, которую очень быстро усвоила, наблюдая, как разговаривают здешние жители. Мимо нас продефилировали одиннадцать собак на одном толстом поводке, смахивающем на канатный трос; эту чуждую стайку вел расслабленный паренек. В свободной руке он держал газету, которую читал, не поднимая глаз; так и шел, уткнувшись в газету. Собак на улицах – это я подметила еще днем – было много. В отличие от своих собратьев из прогулочных групп, собачки на индивидуальном воспитании, похоже, не знали, что такое поводок, но они в нем и не нуждались: семенили за своими хозяевами, воспитанно садились на переходе и ждали зеленого света, подавая пример иным пешеходам.

Полицейский показал мне направление, и на этом его объяснения закончились: видно, он сообразил, что я все равно ничего не пойму. Я поблагодарила его: «Грация» – и пошла дальше. Проходя мимо четырехзвездочной гостиницы, на вывеске которой отсутствовал кончик у одной из звезд, я решила попытать счастье и обменять доллары. Как и конечность звезды на вывеске, персонал за стойкой отсутствовал, даже портье не было. Но был слышен звон бокалов где-то совсем рядом, а потом пропели интернациональное «Happy birthday» – с днем рождения поздравляли какую-то Мелину. Стало ясно, что люди за деревянной панельной стенкой были заняты более серьезным делом, чем обслуживание клиентов. Я облокотилась на стойку, кашлянула в перерыве между пением – теперь пели «Фелиз Кумпле³, Мелина», но это мало что изменило. Я терпеливо ждала. Минут через десять вышел портье в сбившейся набекрень форменной фуражке, улыбнулся мне и позвал Мелину. Выплыла довольная, дожевывающая торт именинница и сказала мне, что до понедельника обменять деньги невозможно. Видимо, мое лицо выразило столько страдания и беспомощности, что она участливо спросила:

– Сколько?

– Ну, хоть сколько-нибудь... Сто? Двести?

Мы с ней сразу поняли друг друга, и, когда она назвала мне курс меньше, чем в обменных пунктах, но выше, чем в аэропорту, я благодарно кивнула. Мелина снова исчезла за деревянной перегородкой и появилась оттуда с пачкой аргентинских купюр; я вышла из гостиницы, с новой уверенностью, которую обычно придают дензнаки.

Идти оказалось совсем недалеко. Пара кварталов, и я уже стояла перед нужным мне домом. Рядом, в витринном окне будущего магазина, с вывеской, оптимистично оповещавшей о его открытии завтра, два маляра разучивали шаги под музыку «Милонга Сентименталь», звучащую из пузатенького радио, стоявшего на полу рядом с ведром, в котором томились, истекая краской, кисти и ролики. Сцепив загорелые мускулистые руки, они сделали несколько коротких ритмичных шагов – *трасье* – и благополучно продолжили покраску потолка. Даже будучи оптимистом, было понятно, что до открытия магазина никак не меньше недели, какое там «завтра». Но уже было ясно, что спешить в этом городе не принято. Желание все бросить и начать танцевать, невзирая на сроки сдачи объекта, символично для аргентинцев; совет «цени настоящий момент, живи только им, ибо прошлое не вернуть, а будущее еще не наступило» они воспринимают буквально. Их жизнь больше похожа на череду моментальных фотографий с постоянно меняющимися настроениями, красками, тонами, чем на полнометражный фильм, соединенный режиссерской идеей. Оказывается, можно жить и так. Совершенно подругому. Пришла в голову мысль, что к югу от экватора законы кардинально меняются, и те понятия и нормы жизни, что приняты у нас, здесь, ровно наоборот, – в конгруэнтном отражении. Южноамериканское солнце без всякого смущения проделывает свой путь по небосводу справа налево, наперекор всей логике Северного полушария, и придает иной смысл жизни этих людей, который не так-то легко понять наблюдателям из северных широт.

³ С днем рождения (*исп.*).

Глава 4. Ло Де Селия

4

Поднимаясь по крутой лестнице, ведущей с улицы туда, где раздавалось танго «Чокло», по русским кинофильмам знакомое под названием «На Дерибасовской открылась пивная», я предвкушала посвящение в *милонгеры* и, конечно же, успех на этом поприще.

Ухо выхватывало знакомые мне испанские слова, и я подумала: «Дерибасовская... пивная... бардак... драка... Как это все пошло в русском варианте. То ли дело... Наверняка в оригинальном тексте, написанным легендарным автором многих классических танго Энрике Дисеполо, поется о неземной любви и страсти в красивых интерьерах». Много позже я узнаю, что «Эль Чокло» как и многие другие танго, воспевают утрату. Утрату любви, утрату матери... Оба эти не слишком оптимистические события являются как лейтмотивом текстов, так и источником вдохновения для авторов музыки и слов, а также для танцующих танго людей, которые с гордостью именуют себя *милонгеро*. Больше всего в этот момент мне хотелось танцевать с настоящими *милонгеро*, ведь собственно ради этого я и проделала длинный путь: от Орегона до Аргентины, от корпоративного бухгалтера и жены бизнесмена до роковой *милонгеры* – так называют женщину, не просто посещающую милонги, но живущую танго, совершающую безумства во имя него и ставящую этот танец во главу своих приоритетов.

Отодвигая красную тяжелую занавеску при входе на милонгу Ло Де Селия, я приготовилась к танго-крещению.

А там, за занавеской, был иной мир, в котором казалось, что люди, живущие в нем, не были в курсе дела, что на дворе двадцать первый век. По танцполу передвигались тени из прошлого: пожилые, но все еще элегантные дамы в черных платьях, которых плавно и бережно вели в танце партнеры: седые, с поблескивающими лысынами или неестественно черными набриолиненными волосами мужчины, возраст которых выдавали безнадежно устаревшие модели пиджаков с лацканами из шестидесятых. Скорее это напоминало выездную дискотеку в доме престарелых и разительно отличалось от того, что я представляла по старым аргентинским фильмам с ловеласами-сердцеедами и фатальными красотками. Хотя при умеренно развитой фантазии несложно было увидеть в этих ветхих людях героев тех фильмов, пусть и постаревших на тридцать или сорок лет. Пары танцевали щека к щеке, у женщин выражение лиц было страдальчески-упоительным, у некоторых – на грани экзальтации.

Прервалась музыка, пары разомкнули объятия, мужчины достали белые платки и стали промокать вспотевшие лысины. Кто-то стирал следы макияжа, оставленные чрезмерно накрашенной партнершей, кто-то учтиво предлагал платок даме, чтобы та вытерла размазавшуюся с ресниц и потекшую тушь. Воздух был густым, почти что тяжелым от смеси женских и мужских духов и сигаретного дыма.

Селия, организатор милонги и ее бессменная хозяйка на протяжении многих лет, провела меня за столик, где сидели одни женщины, и показала на единственный свободный стул: «Бьенвенида, нинья», – произнесла она. По сравнению с соседками по столу я, безусловно, была «нинья» – «деточка», впрочем, как и по моей степени осведомленности: я понятия не имела, что же теперь надо делать. Было даже приятно, ведь в России женщину в 40 лет едва ли не отпевают, а столичные гляцевые журналы изобилуют обнадеживающими заголовками и советами не сдаваться, вроде «Как найти работу, если тебе за 35», «Любовь и секс после сорока: это возможно». А тут, надо же... деточка... и слово-то какое ласковое: *нинья*.

Моим соседкам по столу было за шестьдесят пять, прикинула я, а насколько далеко, мешали предположить платья с высокими разрезами, высокие каблуки и обилие больших бле-

⁴ Ло – местечко на аргентинском сленге.

стящих украшений. Мой испанский не позволял вести светскую беседу, а их английского хватило только на то, чтобы спросить «откуда я» и вежливо улыбнуться, услышав, что из США. Когда я попыталась объяснить, что хоть приехала я из США, но на самом деле русская, дамы меня поняли и заулыбались более оживленно: «О, руса!» – с опять непременно «бьенвенида», но уже произнесенным с большим энтузиазмом. Русских на милонге они еще не видели, но уже стали привыкать к иностранцам, среди которых большинство составляли американки и итальянки.

Почему-то русских здесь любят, пусть и заочно. Меня тут же взяли под опеку и, воодушевившись, стали помогать осваивать искусство *кабесео* – учить особому взгляду, по которому меня должны были приглашать на танец по незыблимым правилам милонги. Для меня это было странно – я не привыкла смотреть на незнакомых мужчин, тем более почтенного возраста, стреляя глазами, как мы это делали в пятом классе средней школы. Но сильно напрягаться мне и не пришлось: помещение было совсем небольшое, столики в несколько рядов окружали танцпол, и было достаточно хорошо видно отовсюду.

Внимание кавалеров милонги вмиг переключилось на «нинью», как на новенькую, которую привели в класс посередине четверти. Отличалась я не только возрастом – еще на мне не было траурно-черной одежды, крупных украшений и театрального грима на лице. Чувствуя на себе заинтересованные взгляды ветеранов танго, я сидела, уткнувшись в чашечку с кофе, и не знала, на какой из них ответить и как это сделать, чтобы не обидеть других. Но вскоре, преодолев изначальный барьер, я уже выбиралась из-за столика навстречу брюнету в полосатом костюме с ярким цветным галстуком и огромным носом.

Мы встретились посередине танцпола, поздоровались, и он зажал меня в плотное объятие. Это было так не похоже на то, чему меня учили в Орегоне, что я засомневалась, смогу ли вообще двигаться, будучи так крепко прижатой к его груди. Запах хороших духов последнего сезона не заглушал запаха старости. Моему партнеру было далеко за семьдесят, но он двигался легко и очень музыкально. Стискивая меня все крепче, он уверенно вел по танцполу и заставлял ступать туда, куда это было надо ему, практически не давая мне возможности ошибиться. Если бы не его клещеобразное объятие, все было бы совсем даже неплохо.

Когда мы протенцевали всю *танду*⁵, он учтиво отвел меня на место. После такой демонстрации моих ног и талантов, ограниченных пока что техникой «как не наступать на ноги партнеру», от приглашений взглядами, легкими кивками и наклонами головы не было отбоя. Мои соседки, просиживавшие танду за тандой, были довольны моими успехами в обучении искусству *кабесео* и кодексу милонги. Они объяснили, что ни в коем случае нельзя вскакивать со стула, пока танцор не подойдет к моему столику, и нельзя убежать с танцпола, когда танда закончилась, – на место меня проводит партнер. Нельзя также оценивающе смотреть на всех сразу – нужно незаметно выбрать того, с кем бы мне хотелось танцевать.

Я была хорошей ученицей и, ободренная своим успехом (как и одобрением соседок), вышла танцевать милонгу – танго в быстром темпе, веселое, нередко шуточное, без трагического надрыва многих тем классического танго-репертуара. Танцуется милонга слегка по-другому, в ней существуют свои варианты шагов, и я осваивала их с Алексом в Портленде, местным пионером аргентинского танго и любимым всеми учителем. Но то, что проделывал мой партнер, мне никто никогда не показывал и не объяснял. В Орегоне точно так не танцевали. Было очевидно, что он знает толк в милонге и знает его уже лет эдак пятьдесят. Он был одним из лучших танцоров Ло Де Селии, танцевал с самыми элегантными дамами и вел их очень красиво. Я за ним наблюдала и поэтому, когда он пригласил меня, обрадовалась, предвкушая удо-

⁵ *Танда* – три или четыре танго, объединенные одной темой, музыкой одного композитора или оркестра; они чередуются со следующей тандой, прерываясь любой другой музыкой, называемой *кортиной*. Во время картины танцующие возвращаются на свои места, отдыхают во время следующей танды или выходят танцевать, но уже с другим партнером.

вольствие от танца, и подскочила быстрее обычного со стула. Но, вопреки моим ожиданиям, я не попадала в ритм, совершенно не понимала, что он от меня хочет, и вдобавок ко всему несколько раз наступила ему на ногу, после чего, вся красная, бормотала извинения. Больше всего я хотела, чтобы эта танда закончилась и мой позор вместе с ней. Я боялась, что у него лопнет терпение от моей неуклюжести, и он бросит меня прямо посередине танцпола.

Милонгеро меня, однако, не бросил, а тактично дотанцевал до последней милонги в этой злосчастной тан-де, но все равно мой позор увидели все, кто был в зале. Было очевидно, что я абсолютно не умею танцевать эту самую милонгу «по-аргентински».

Когда я вернулась за столик, мои соседки, ранее хвалившие мои выходы, деликатно промолчали. Я сидела, не поднимая глаз, и была уверена, что уже никто на меня больше не посмотрит и не пригласит танцевать. Никогда. Хотелось уйти, но для этого надо было проделать путь к двери, которая была в самом дальнем от меня конце помещения. И все бы увидели мое позорное бегство!

Не знаю, сколько я так просидела, разглядывая пятно от кофе на белой скатерти, как вдруг кто-то легко коснулся моего плеча. Я продолжала сидеть, не поднимая глаз. Одно из железных правил милонги: не идти танцевать с тем, кто приглашает не взглядом, а подходит сзади или, что еще хуже, касается сзади плеча. Но все-таки я не выдержала и обернулась. С круглого лица на меня смотрели добрые глаза молодого человека с небольшими залысинами и непослушными, не прилизанными гелем кудряшками.

– Потанцуем? – спросил он по-английски с таким милым акцентом, что я, невзирая на строгое табу моих наставниц, кивнула и отлипла от стула навстречу ему.

Мы протанцевали с Джиованни, выручившим меня итальянцем, таким же неопытным в правилах милонги, но очень опытным во всех видах танцев, до самого конца, опять же нарушив правило: «Никогда не танцевать две танды подряд и не более трех за весь вечер с одним партнером». С Джиованни было хорошо и весело, и с ним у меня все получалось. Танцевал он легко и свободно, не стискивая меня в объятиях, а как бы играя со мной. Он выкидывал такие коленца, что я, смеясь, тоже начинала импровизировать, и мне было абсолютно все равно, что подумают строгие судьи в черном, покачивающие головами. Даже та самая пресловутая милонга, на которой я опозорилась с лучшим танцором Ло Де Селии, получилась и принесла удовольствие, может быть, потому, что Джиованни танцевал ее больше так, как привыкла я на другом континенте, а не как истинный милонгеро. Никаких траспье, маленьких шажочков, разбивающих ритм, наоборот – он вел в танце широким шагом, дающим свободу телу. В общем, мы делали все не по правилам и радовались чудесному совпадению наших тел в легком движении.

В перерыве между музыкой Джиованни рассказал, что танцевал в современном балете в Италии, а потом познакомил меня со своей чернокожей подружкой из Чикаго, с которой он пришел на милонгу после урока танго, и после окончания милонги мы втроем отправились есть пиццу.

В гостиницу я попала уже совсем поздно. Карлос с гаремом пил дешевое аргентинское вино на кухне и обменивался впечатлениями от проведенной в танцах ночи. Они пошли в другое место, которое запланировал Карлос для тех, кому еще рано ходить на милонги с таким высоким уровнем танца, как Ло Де Селия. «Туда, – объяснил он послушным американкам, – мы пойдем на следующей неделе, когда поднатаскаетесь на занятиях с маэстро».

– Где ты была? Мы, между прочим, волновались. Ведь у тебя ни денег, ни телефона. Где тебя искать, если что? – начал было занудствовать он, но, увидев мое довольное лицо, не стал продолжать отчитывать меня, а предложил вина.

– Всем спокойной ночи! Иду спать, ибо на ногах стоять уже сил нет – утанцевалась... в Ло Де Селии.

Смакуя удивленные лица, я тихо, без стука, закрыла за собой дверь комнаты. Минут через десять я уже спала так крепко, что не слышала ни стука в дверь, ни голоса Карлоса, который зашел в комнату, ни то, что он говорил, ни как вышел.

Глава 5. Наоборот

Влезающей под созвездиями Южного полушария стране все наоборот. По вине ли Центавра, Мухи или Южного Креста, или по каким-то другим причинам не только путь солнца по небосклону или вращение воды в раковине, но и все остальное, так или иначе связанное с жизнью общества и отдельно взятого человека, происходит здесь наоборот, не так, как я привыкла. Получается, что и кровь в венах аргентинцев тоже закручивается не в ту сторону? В ту или не в ту, но течет она явно быстрее, и этим, должно быть, объясняется их поведение, не совсем привычное для нас, северных жителей. Найдя причину всему странному и малопонятному мне в Аргентине, я даже обрадовалась. Жить проще, когда находится логическое объяснение всему, что беспокоит и ломает созданные годами стереотипы: линия экватора строго разделяет мир на два полушария, и законы одного полушария в другом существуют в перевернутом виде, как в зеркале.

Лучше всего это подтверждает *люнфардо*, городской жаргон *портеньо*⁶, на котором написаны многие тексты танго. В *люнфардо* отдельные слова произносятся задом наперед – что-то вроде нашей детской игры с братом, когда мы придумали язык, понятный только нам двоим. Для аргентинцев *люнфардо* это и способ определить социальный статус человека, и проверка его на знание родной культуры, и его богемность, и возможность расслабиться с друзьями детства. На *люнфардо* можно практически разговаривать, можно сочинять и записывать истории, можно ругаться, заниматься любовью и даже все это делать одновременно. Слова можно изобретать, менять, произносить задом наперед и переставляя буквы: все поймут, что *фека* это кафе, *готан* уже стало почти официальным, а точнее, местным, родным названием самого известного в мире аргентинского танца, *зани* – пицца, от итальянского «пизза», *доляпо* – *пелядо* (лысый) и так далее, список длинный.

Из традиции *люнфардо* пошли и клички, даваемые людям вне зависимости от их статуса, как милонгеро, так и политику. Худой, Толстый, Китаец (любой человек с чуть раскосыми глазами, имеющий весьма отдаленное сходство с настоящим азиатом). Хлопчику может быть уже за семьдесят, а Малыш, скорее всего, будет гренадерского роста. Меня, конечно же, сразу прозвали Руса, что одновременно обозначало и национальность, и цвет волос. Кличка дается только тогда, когда твой авторитет признали, а тебя самого записали в свои, и присваивается, как правило, высшим авторитетом, чтобы потом всегда была про запас история, как тебя отметил «сам... (выдающийся и всеми любимый танцор, известный актер, писатель или другой персонаж местной светской жизни) и вот так с тех пор и повелось». В общем, все как на зоне, когда пахан выдает тюремное погоняло на блатном жаргоне.

Постепенно я привыкала жить «наоборот». Перестала удивляться, что здесь в почете не горожане, а фермеры. Как социально, так и по уровню достатка и, часто, образования они намного выше городских жителей. Аргентина – страна аграрная, и самые большие деньги, а с ними и все блага (поездки за границу, обучение детей в европейских университетах и т. д.) приносят соя и кукуруза, культуры, которые страна экспортирует по всему миру, как и знаменитое аргентинское мясо. Примирилась с тем, что комиссионные проценты при покупке недвижимости платит не тот, кто ее продает (ведь он получает деньги и, по логике, должен оплатить услуги посредников), а тот, кто ее покупает. Перестала удивляться тому, что быть богатым здесь плохо, а бедным – хорошо, и даже престижно; принадлежать к среднему классу – стыдно. Так, по крайней мере, строится официальная пропаганда популистского правительства, многие члены которого, будучи государственными чиновниками с фиксированной зар-

⁶ *Портеньо* – так называли жителей Буэнос-Айреса со времен, когда большинство из них работали в порту или как-то были связаны с портовой жизнью города.

платой, увеличили свое состояние в несколько десятков, а особенно удачливые и в сотни раз. «Вон оно как...» – вижу понятливое удивление читателя. А вы как думали? Маленький наш земной шарик и круглый, так что нечистоты по нему растекаются равномерно.

Новый год сюда приходит вместе с тридцатипятиградусной жарой, а если учесть, что по всему городу жарится мясо, температура душной летней ночи повышается еще на несколько градусов. Санта Клаусы, нанятые родителями для своих чад, развозят подарки на велосипедах в футболках и шортах, обливаясь потом под белыми париками и накладными ватными бородами. Шампанское пьют не вместе с коктейлями и прочими предзастольными напитками в качестве аперитива, а после еды, и салат тоже подают после основного блюда, а не как закуску. Не опаздывать на вечеринку неприлично, пунктуально приходящих гостей никто не любит, а если ты придешь на два или три часа позже, хозяева не обидятся.

Об отношениях – подробнее. Сначала съезжаются вместе и рожают детей и только много лет спустя женятся, заодно отмечая десятую или двадцатую годовщину совместной жизни. Если ваш любимый вас обманывает, не торопитесь огорчаться. Здесь, по другую сторону экватора, это означает, что он вас любит и действительно вами дорожит. Всегда хранить верность аргентинский мужчина не может, и было бы абсурдно его к этому принуждать или даже в этом заподозрить. Но если он придумает правдиво звучащую историю о том, как он выгуливал собаку мамы, подвернувшей ногу, а затем отвозил маму в поликлинику, где длинные очереди на прием к травматологу, и все это сопровождается фотографическим отчетом по мобильному телефону (фотография собаки в парке, фотография распухшей ноги мамы и прочие наглядные детали его алиби), – это все означает лишь одно: он вами дорожит. Ведь мог бы просто отключить телефон, а потом ограничиться банальностью: «Был занят, завтра встретимся». Но нет, он сочинил сценарий по всем правилам, позаботился об иллюстрациях и весомых деталях. Так из-за этого сильно расстраиваться не надо. По-настоящему неприятно становится тогда, когда он начинает говорить правду и признается, что вы у него, увы, далеко не одна. Следить же за ним и подозревать в смертных грехах при каждом отсутствии неразумно и сильно портит нервы. Неспроста стереотип аргентинского мачо – латинский любовник, а женщины – истеричка (второе, впрочем, вполне логично вытекает из первого).

Так уж устроен наш российский менталитет, запрограммированный советскими и постсоветскими фильмами, а в последние годы – шедеврами отечественных телесериалов, что мужчина должен долго и упорно добиваться понравившуюся ему женщину: ухаживать, дарить подарки, настойчиво звонить по телефону, в то время как она, опять же протагонистка популярных фильмов и сериалов, его всячески отвергает, не приходит на свидания, бросает цветы, не отвечает на звонки и всем видом показывает, что само его присутствие ей глубоко антипатично. Лирическая героиня в советском, да и в российском кинематографе – обычно сердитая и не улыбающаяся девушка с непростой судьбой, гордая и неприступная. Вот такой типаж «роковой» женщины сводит с ума славянских мужчин.

В Аргентине же все происходит наоборот. Осаду мужчины обычно тонко и умело ведет женщина. В искусстве соблазнения нет, пожалуй, равных аргентинским красавицам, которые, впрочем, знают, на что идут, и понимают, что далеко не одиноки в попытке завоевать сердце избранного мачо. В ход идут все методы, начиная от невинного флирта и телефонных сообщений, от которых кровь аргентинца вскипает, и он готов мчаться к девушке прямо сейчас, невзирая на то что рабочий день еще в самом разгаре, – до любимых каждым мачо *миланез*, отбивных из телятины или курицы, которые, конечно же, должны быть не хуже тех, что готовит ему мама. Такое обстоятельство, как рабочий день, кстати, вообще никогда не рассматривается, ни как довод, ни как алиби. Загвоздка заключается не только и не столько в том, чтобы мужчина немедленно примчался, – это-то как раз самое простое, – а в том, чтобы он продолжал это делать и дальше. Тут вступает в силу тяжелая артиллерия женской хитрости, а иногда и материальные посулы – все же ведь наоборот. Женщины покупают подарки, обустроивают свои

квартиры на вкус любимого, запасаются телевизионными приставками для игр и/или другими мужскими игрушками, предлагают отдых на бразильских или уругвайских пляжах, – вариантов тут много. Все это рассматривается как абсолютно нормальная ситуация и вызывает наибольшее удивление из всего мной рассказанного у моих московских приятельниц. А что же аргентинский мачо? Он благосклонно принимает знаки внимания, и где-то годам к сорока обычно происходит передача ненаглядного тела из рук в руки, от мамы к жене. Многие аргентинцы до сорока лет живут с безумно любящими их мамами, которые для них готовят, стирают, гладят нижнее белье и постоянно напоминают сыновьям, как они красивы и умны. Естественно потом эти возрастные «мальчики» ожидают того же от своих подруг, что часто и приводит к конфликту. Но в этом уже нет никакой местной специфики и национального колорита, об это спотыкаются по обе стороны экватора, от Северного полюса до Южного.

Безумие летнего отдыха, связанного в Северном полушарии с массовыми отпусками в июле-августе и паломничеством на европейские или крымские пляжи, приходится в Аргентине на январь. Центр Буэнос-Айреса – каменный мешок; в городе на удивление мало зелени по сравнению с европейскими столицами, а температура здесь часто зашкаливает за тридцатиградусную отметку. Дискомфорт усугубляется духотой девяносто-процентной влажности, когда у близоруких запотевают очки, а выпрямленные щипцами и проглаженные утюгом волосы взмываются в кудри разной степени закрученности, но одинаково удручающие их обладательниц. *Портеньо*, жаловавшиеся целый год на многолюдие столицы, где по центральным улицам стало невозможно пройти быстрым шагом из-за толп приезжих, дружно переселяются на атлантические курорты Мар-Дель-Платы, Гесселя и Пиномара, создавая те же толпы на пляжах и улицах. Неформальное меньшинство едет отдыхать в горы провинции Кордоба, а более рафинированные столичные жители отправляются на дегустации вин в винодельни Мендозы или наслаждаются красотами озер Патагонии.

Мне так и не удалось понять, почему при благоприятной погоде в Аргентине, где лето с его пляжными удовольствиями и сезонными видами спорта не сложно растянуть как минимум на четыре-пять месяцев, все население в 40 миллионов человек должно – нет, просто обязано! – провести свой отпуск в январе. При этом в крупных городах закрываются не только школы и институты, но и многие булочные, парикмахерские, прачечные и прочие пункты бытовых услуг. На дверях криво висит от руки написанное объявление: «В отпуске до 1 февраля», в то время как представители малого бизнеса, хозяева булочных, продавцы эмпанад (маленьких жареных пирожков) и пиццы, жуют те же эмпанады на пляжах Мар-Дель-Платы, где цена на них взлетает в три раза в курортный сезон. Но кто же экономит в отпуске? Сонные курортные городки оживают, встряхиваются от зимней спячки и торгуют всем, чем могут, круглые сутки. Люди, нывшие весь год, что «в Буэносе жить стало невозможно», «он же не резиновый», «хочется в отпуск и не видеть никого», в едином порыве, как по сигналу, переселяются на курорты, где безропотно стоят в очереди за мороженым или комплексным обедом. Но зато здесь никто не жалуется: отпуск же, не положено! Если можно понять семьи с детьми школьного возраста – им хочется провести отпуск вместе, то бездетные люди разных возрастов, которые добровольно подают заявление на отпуск в январе, у меня вызывают серьезные подозрения. Хотя если посмотреть на ситуацию с другой стороны: что делать в опустевшем городе, откуда вместе с районным булочником уехали даже психоаналитики и закрылись все студии йоги одновременно? И только отдельные чудаки, не поддавшиеся массовому психозу, разгуливают по опустевшим улицам столицы, наслаждаются отсутствием пробок на дорогах и мягкими сиденьями в безлюдном метро, вдыхают запахи жасмина и растроганно напевают «*Mi Buenos Aires Querido*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.